

и русской культуры, среди многих народов Восточной Европы и Сибири. Если первоначально на их пространствах, среди моря иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, христіане составляли ничтожную кучку, то постепенно, усиліями многихъ подвижниковъ они оказались здѣсь въ большинствѣ, подавляющемъ своей численностью.

И эта свѣтлая побѣда Православія надъ язычествомъ ясно свидѣтельствуешь, что русскій народъ въ теченіе вѣковъ умѣлъ выдѣлять изъ себя великановъ воли и духа, до смерти преданныхъ нагорнему міру; умѣлъ побѣждать многіе народы не только силою оружія, но и *твердостью убѣжденіи и превосходствомъ своего духа и своей культуры*, растворяя ихъ въ своихъ мощныхъ нѣдрахъ, какъ неударжимая, всеильная стихія.

М. В. Шахматовъ.

РУССКІЙ ПРОСТОРЪ.

При всей условности противоположенія Россіи и Европы, какъ двухъ различныхъ міровъ, въ одномъ отношеніи противоположеніе это совершенно основательно. Между «русскимъ просторомъ» и «балканизированной Европой» подлинно лежитъ міровая грань.

Въ Европѣ, обогащенной послѣдними мирными договорами.— 11 000 километровъ новыхъ границъ. 24 суверенныхъ государства, независимо другъ отъ друга творящихъ свою волю (островная Англія — не въ счетъ), 24 таможенныхъ стѣны, порою очень высокихъ, 24 политическихъ и экономическихъ партикуляризма на пространствахъ около 4 милліоновъ квадр. километровъ. Соотвѣтственно жизнь и творчество европейскихъ народовъ замкнуты въ болѣе или менѣе тѣсныя клѣтки, тщательнѣйшимъ образомъ отдѣленные другъ отъ друга паспортными, визами, таможенными тарифами и запретами, контингентами и свидѣтельствами о происхожденіи, — въ свою очередь добросовѣстнѣйшимъ образомъ провѣряемыми цѣлой арміей различно одѣтыхъ полицейскихъ и таможенныхъ чиновниковъ. И хотя обмѣнъ людьми за послѣдніе годы снова значительно облегченъ, все же для свободнаго хозяйствованія безконечное число пограничныхъ рогатокъ все еще служитъ весьма серьезной помѣхой, ложась, въ видѣ накладныхъ расходовъ, тяжелымъ бременемъ и на потребителя, и на производителя.

Напротивъ, русскій просторъ трудно уложить въ какія-либо клѣточки. Всею своею многовѣковой исторіей Россія показала свое отвращеніе къ государственной черезполосицѣ и всепародную подсознательную тягу къ расширенію рамокъ для государственнаго творчества. И этотъ просторъ, по которому тоскуютъ

которымъ болѣютъ не только оторванные отъ родины русскіе, но даже долго жившіе въ Россіи иностранцы, — является великою реальною цѣнностью.

Русскій просторъ есть прежде всего явленіе географическое, поскольку безбрежная равнина оказалась пространствомъ, отведеннымъ въ удѣлъ восточнымъ славянамъ. Но если правильно, что географія предопредѣлила русскую исторію, какъ ни у одной другой страны, то съ еще большимъ пожалуй правомъ можно сказать наоборотъ: русская исторія создала русскую географію. Ибо мы уже знаемъ, какихъ безчисленныхъ трудовъ потребовало освоеніе часто негостепримныхъ пространствъ; какихъ потоковъ крови стоило русскому народу закрѣпленіе государственныхъ рубежей тамъ, гдѣ это было наиболѣе необходимо для хозяйственной безопасности и политической независимости *). Отсюда двойственное значеніе «русскаго простора»: какъ географически данной возможности, и какъ историческаго достиженія, закрѣпившаго эту возможность. Отсюда же и двойная его расцѣпка: въ прошломъ и въ настоящемъ.

По началу этотъ безпредѣльный просторъ казался не возделаннымъ и благодатнымъ, а вынужденнымъ, навязаннымъ, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже роковымъ для русскаго народа. И лишь тогда, когда безлюдье и бездушье пустырей понемногу наполнилось жизнью и культурой, — пространственная огромность Россійской Имперіи стала сама по себѣ положительнымъ факторомъ.

Россійское разселеніе по великой европейско-азиатской низменности часто сравниваютъ съ разлитіемъ жидкости, катящейся во всѣ стороны, пока на пути ея не встрѣтятся непреодолимые препятствія. Говорятъ также о русскомъ морѣ, разлившемся по безбрежной сухопутной равнинѣ. И то и другое сравненіе однако далеко не охватываетъ всей сложности многообразныхъ процессовъ, вызванныхъ основнымъ явленіемъ русской исторіи: *самоопредѣленіемъ въ пространство или внутренней колонизаціей.*

Разливаясь на подобіе жидкости, русская колонизаціонная волна встрѣчала на своемъ пути множество другихъ народностей и входила съ ними въ весьма разнообразныя взаимоотношенія. Но наряду съ этимъ основнымъ стремленіемъ на востокъ, на сѣверъ или на югъ, несоотвѣтствіе между охваченнымъ пространствомъ и численностью колонизирующаго ядра создавало въ предѣлахъ уже заселенной площади постоянныя передвиженія отдѣльныхъ группъ и лицъ съ мѣста на мѣсто. Долгое время, пока плотность населенія не достигла извѣстной высоты, пока не были прочно прибраны къ рукамъ всѣ болѣе или менѣе привлекательныя по своимъ свойствамъ и по своей безопасности

*) См. мои статьи: «Войны Россіи», «Русскій Колоколь», № 3 и «Русская колонизація», «Русскій Колоколь», № 5.

мѣста, русское населеніе, даже уже ставшее земледѣльческимъ. оставалось все же полу-осѣдлымъ. Кочевали долгое время князья, передвигаясь изъ удѣла въ удѣль. За ними слѣдомъ кочевали ихъ дружины и служилые люди. Кочеваль и земледѣлецъ, долго не привязывавшійся къ разъ занятому участку земли и легко переходившій на другіе. Отсюда уже упоминавшіяся мѣры по закрѣпленію, закрѣпощенію крестьянъ, отсюда русская «крѣпостная зависимость», которая, однако, была не въ силахъ совершенно пріостановить, а только ввела въ извѣстныя рамки процессъ безконечнаго и непрерывнаго самораспредѣленія-передвиженія, происходившаго по русской поговоркѣ: — «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше». Искатели лучшей доли стали бѣжать отъ надвигавшагося крѣпостнаго закрѣпленія еще дальше: на сѣверъ — въ *лѣса*, на востокъ — въ *Сибирь* и на югъ — въ *степь*.

Вся русская исторія есть многовѣковое, непрерывное движеніе на огромномъ пространствѣ. А такъ какъ оно не только шло по поверхности, но и создавало подпочвенныя волны взаимныхъ отталкиваній, притяженій, сліяній и разрывовъ среди тѣхъ массъ, группъ и отдѣльныхъ лицъ, какія оказывались въ него вовлечены, то движеніе это являлось въ то же время многосложнымъ внутреннимъ процессомъ. Одинъ вдумчивый иностранецъ, познакомившись съ Россіей, сказалъ по этому поводу: — «Россія есть процессъ. Россія представляетъ собой одинъ огромный процессъ эволюціи».

Да, Россія есть движеніе. Историческое движеніе миллионъ, ищущихъ «гдѣ лучше» на протяженіи десятка вѣковъ. Въ этомъ движеніи житель сѣвера нерѣдко попадалъ на югъ, а обитатель западной Россіи на далекій востокъ, причемъ каждый переносилъ съ собой на новую почву и въ новыя условія прежніе навыки и привычки. Въ этомъ движеніи восточный славянинъ сталкивался и сливался съ финномъ, татаринномъ, латышемъ, полякомъ, литовцемъ, грузиномъ, башкиромъ и пр. И отъ столкновенія ихъ происходилъ каждый разъ какой-то неуловимый въ отдѣльности, но несомнѣнно существенный, внутренний сдвигъ. Такимъ образомъ, не только на поверхности, но и въ глубинѣ образовывались волны различныхъ почвенныхъ, климатическихъ, племенныхъ и хозяйственныхъ воздѣйствій. И если это происходило у каждаго народа *впередъ до осѣданія на занятой территоріи*, то у совокупности народностей, образовавшихъ Россійскую Имперію и еще окончательно не осѣвшихъ, эти процессы растянулись на много вѣковъ и *до сихъ поръ еще не закончились*. Россія все еще — движеніе.

Движеніе это напоминаетъ какой-то сложный химическій процессъ въ огромной ретортѣ, въ которую постепенно то подкладываютъ новыя вещества, то повышаютъ температуру. Въ нормальныхъ условіяхъ трудно уловить въ немъ передвиженіе

отдѣльныхъ частицъ. Но, благодаря потрясеніямъ, внесеннымъ революціей, мы въ состояніи замѣтить ихъ даже невооруженнымъ глазомъ современника. Принято, на примѣръ, говорить о совершившемся во время революціи «соціальному землетрясенію» въ Россіи. Съ такимъ же основаніемъ можно говорить о стихійныхъ національныхъ сдвигахъ и даже о чисто механическихъ стихійныхъ передвиженіяхъ изъ губерніи въ губернію, какъ было подъ вліяніемъ голода въ 1921 г., когда населеніе отхлынуло отъ голодающаго Поволжья.

Въ обычное время, когда сложный русскій процессъ проходилъ какъ бы невидимымъ, онъ медленно, но неуклонно создавалъ какія-то органическія сцѣпленія, и только теперь, ионавъ въ полосу кризиса и взрывовъ, онъ влечетъ за собой явленія бурнаго разложенія, изъ которыхъ со временемъ, несомнѣнно произойдутъ новыя соединенія. Отсюда первое и главное свойство русскаго простора, російской пространственности: она способствовала въ прошломъ созданію множества порою невидимыхъ (какъ химическія соединенія, образующія воздухъ) органическихъ сцѣпленій и связей: связей племенныхъ, духовныхъ и хозяйственныхъ.

Другое свойство, порождающее какъ бы «отраву» русскимъ просторомъ (отмѣчаемую нынѣ у многихъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи), заключается въ томъ, что само пространство, какъ возможность, какъ точка приложенія для творческихъ силъ населенія, породило благодаря необъятности своей знаменитыя русскія «неограниченныя возможности». «Балканизация» создаетъ опредѣленные, иногда довольно тѣсныя грани для приложенія предприимчивости. За этими границами — барьерами — начинаются другія условія, другой бытъ, особыя мѣры по охранѣ отъ иностранной конкуренціи, особые законы и формальности. При балканизации всѣ возможности становятся ограниченными, заранѣе точно взвѣшенными и для хозяйственнаго соревнованія остается сравнительно незначительное поле. Наоборотъ, въ Россіи, при ничѣмъ не разграниченной огромности площади, создаются въ полномъ смыслѣ слова неограниченныя возможности для приложенія силъ. Дальше мы увидимъ, какъ это сказывается въ области хозяйственной географіи. Здѣсь же необходимо лишь отмѣтить въ общей формѣ *материальную выгоду* и *духовную привлекательность* такой свободы выбора для приложенія самыхъ разнообразныхъ силъ и способностей, создающихъ представленіе о манящемъ русскомъ привольѣ. Всякій предприимчивый и толковый иностранецъ, прилагая въ Россіи такое же усиліе, какъ у себя на родинѣ, получалъ во много разъ большую выгоду и нравственное удовлетвореніе. Неограниченныя возможности приносили въ случаѣ ихъ маломальски умѣлаго исползованія далеко выходящую за обычныя европейскія рамки пользу. Такъ пространство, русскій просторъ, становился *факторомъ благополучія*.

Правда, наступило это далеко не сразу: пока пространство оставалось незаполненнымъ и неосвоеннымъ, оно являлось *угрозой, источникомъ слабости и беззащитности* — отъ лихого человѣка и хищнаго звѣря, отъ неожиданнаго и невѣдомаго набѣга или одиночнаго нападенія. И до сихъ поръ еще житель безконечныхъ равнинъ оказывается незащищеннымъ отъ природы и въ частности отъ вѣтровъ, которые, дую почти безъ помѣхъ отъ Архангельска до Крима и отъ Самарканда почти до Карпатъ, нерѣдко разбиваютъ всѣ его хозяйственные расчеты. Такъ знойная, засушливая мга, проникающая изъ средне-азіатскихъ пустынь до Поволжья, является постоянной угрозой русскому земледѣлію. Въ этомъ отношеніи естественныя горныя преграды, задерживая зной и ледяные вѣтры, куда болѣе благоприятствуютъ производительному труду въ Средней Европѣ.

Но эта же пространственная ширь, будучи такъ или иначе преодоленна и освоена русскимъ человѣкомъ, будучи связана путями сообщенія, привела съ теченіемъ времени къ тому, что Россія заполнившая свою равнину, оказалась чисто географически «единой и недѣлимой». Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ, сколько нибудь рѣзко очерченнымъ гранямъ, можно было бы намѣтить естественныя «территориальныя лініи раздѣла» Россіи? — По бассейнамъ рѣкъ, водораздѣламъ? По приравнинности и слабому паденіи рѣкъ текущихъ нерѣдко въ расходящихся направленіяхъ, признакъ этотъ для Россіи недостаточно отчетливъ. По растительности (лѣсъ-степь) дѣленіе было бы еще условнѣе. Такая естественная *природная недѣлимость*, вытекающая изъ равнинности Россіи, и является главной основой *органическаго сцѣпленія* ея отдѣльныхъ частей. Ибо, при тѣсной взаимозависимости между этнографіей и географіей, народы и народцы, вошедшіе въ составъ Россійской Имперіи, ничѣмъ другъ отъ друга не отдѣленные, должны были войти между собой въ *болѣе тѣсное общеніе*, чѣмъ раздѣленные морями и горами жители Европы.

Однимъ изъ основныхъ законовъ біологии является измѣненіе животныхъ видовъ въ силу приспособленія къ различной обстановкѣ и средѣ. И вотъ, трудно найти болѣе непрерывную площадь распространения, чѣмъ Россійскія равнины и особенно южныя степи. Естественно, что если на нихъ водится множество подвидовъ *животныхъ*, то еще болѣе велико, — въ силу большей чувствительности къ средѣ, — количество этническихъ подвидовъ и у обитающихъ тамъ *двуногихъ людей*. Другими словами, при болѣе или менѣе сплошномъ заселеніи и при постоянномъ общеніи населенія дѣйствіе русскаго простора-равнинности должно было постепенно и неизмѣнно сказаться въ *сглаженіи племенныхъ обособленностей и устраненіи рѣзкихъ отличій*. И если трудно раздѣлить Россію на рѣзко обособленные *географическіе* районы, — то еще пожалуй труднѣе распредѣлить по какимъ либо кучкамъ, рѣзко отличнымъ

и обособленнымъ, разнообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ сливающимся *населеніе* Россійскихъ равнинъ. Напротивъ, въ гористой Швейцаріи, — всякій внимательный путешественникъ навѣрное обратитъ на это вниманіе, — сплошь и рядомъ у входа въ туннель приходится видѣть одинъ людскій типъ, слышать одинъ говоръ, а у выхода, на разстояніи немногихъ верстъ, совершенно чуждый первому.

Если непогожіе вѣтры-вредители всюду проникаютъ безъ помѣхъ, то и для *духовныхъ теченій* Россійскій просторъ служилъ проводникомъ, облегчавшимъ органическіе процессы племенныхъ сближеній. Русскій колонизаціонный потокъ разливался по равнинамъ точно потокъ какой то жизненной лавы, которую ничто не могло остановить до тѣхъ поръ, пока она не докатилась до Тихаго океана и горныхъ хребтовъ по Китайской границѣ. Естественно, что встрѣченныя имъ на своемъ пути народности, находившіяся къ тому же на низшей ступени развитія, не могли противостоять этому длительно-упорному натиску и отстоять свою племенную независимость. Въ большей или меньшей степени онѣ оказались или *поглощенными* русской стихіей или ею *пропитанными*, оставивъ въ то же время свои слѣды въ образованіи сложнаго «русскаго типа»^{*)}. Поскольку, слѣдовательно, рѣчь идетъ о народахъ, встрѣченныхъ русской колонизаціей на своемъ пути, можно сказать, что географическая цѣльность Россіи способствовала и параллельному установленію *органической племенной связанности*. Въ самомъ дѣлѣ, кто сможетъ сейчасъ провести рѣзкія племенные грани между широководной рѣкой русской народности и тѣми различными племенными притоками, изъ которыхъ она образовалась? Кто дастъ точный племенной анализъ «русскаго типа», впитавшаго въ себя множество инородныхъ элементовъ отъ скандинавовъ-германцевъ до монголовъ-татаръ? А если такъ, то можно ли сомнѣваться въ *органичности* процессовъ, вызванныхъ къ жизни великимъ Россійскимъ разселеніемъ — основнымъ фактомъ нашей исторіи?

Итакъ русскій просторъ. — равнинность. — чисто біологически способствовала *племенной спайкѣ* различныхъ народностей, волею судебъ вовлеченныхъ въ русскій водоворотъ. Стойкость же русскаго національнаго самосознанія, обнаруживаясь еще на зарѣ нашей исторіи (лучшій примѣръ: привязанность къ русскости отдѣленной отъ основнаго ядра около десяти столѣтій Угорской Руси). — способствовала установленію, наряду со стихійными, подсознательными сцѣпленіями.

^{*)} Каждое финское или монгольское племя, поглощаясь русскою народностью, какъ бы распускалось, таяло въ ней и такое претвореніе азиатскаго элемента и составляло цѣнное приобретеше для великой семьи европейскихъ народовъ». (Проф. Шмурло, «Введеше въ русскую исторію», стр. 138).

также *волевымъ, сознательнымъ* объединеній оторванныхъ было другъ отъ друга вѣтвей единого русскаго народа.

Такъ понемногу заполнялись Россійскія пространства живой творящей силой и, заполняясь ею, постепенно оживали. Процессъ этотъ происходилъ медленно, ибо запасы русской живой силы совершенно не соотвѣтствовали огромности тѣхъ площадей, какія они были призваны заполнить. Россія и понынѣ остается странюю очень рѣдкаго населенія*). Понынѣ остается еще множество незаполненныхъ пространствъ, ждущихъ своихъ колонистовъ; множество возможностей, еще неиспользованныхъ за отсутствіемъ живой силы. Но все же давно изжито время, когда пустышность безпредѣльнаго русскаго простора являлась угрозой, опасностью, источникомъ слабости. Съ оживленіемъ пустырей русская огромность сама по себѣ, даже независимо отъ природныхъ богатствъ въ ней сокрытыхъ, стала силой, о которую разбились враги Россіи.

Соотвѣтственно манящій и чарующій русскій просторъ, исторически сыгравшій столь важную роль при формированіи національнаго ядра, — сталъ источникомъ и основой *безопасности* для государства Россійскаго.

Б. А. Никольскій.

Ж е н е в а.

*) Плотность населенія въ Россійской Имперіи наканунѣ революціи (1916 г.) составляла въ среднемъ на 1 кв. версту 9,5 человекъ. (Европейская Россія—31,0; Сибирь—0,9; Средняя Азія—3,6). Ниже Россіи стояла только Норвегія съ 8,1 чел. на квадр. килом., въ то время какъ въ Германіи насчитывалось 127,7; въ Англии—157,9 и Бельгіи—273,1 чел. на квадр. километръ.